

УДК 130.2

ТРАНСГУМАНИЗМ И ДЕОНТОЛОГИЯ БЕССМЕРТИЯ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА

И.А. МАЙДАНСКАЯ*Таганрогский институт
управления и экономики**e-mail: caute@rambler.ru*

В статье критически освещается теория «воскрешения отцов» Н.Ф. Федорова в ее связи с трансгуманистическим проектом достижения бессмертия. Специальное внимание уделяется полемике, которую ведут с трансгуманистами защитники «природной идентичности» человека.

Ключевые слова: трансгуманизм, деонтология, Николай Федоров, сознание, душа, постчеловек, бессмертие, воскрешение, братство, техника.

На рубеже тысячелетий мы получили возможность воочию наблюдать, как футуристическая фантазия превращается в общественно-политическое движение. Всемирная ассоциация трансгуманистов, Всемирный культурный центр трансгуманизма, Российское трансгуманистическое движение – наконец, прошлым летом в Министерство юстиции РФ поступила заявка о создании оргкомитета по проведению первого съезда партии трансгуманистов «Эволюция 2045» с впечатляющими программными целями: преодоление глобальных кризисов и продление человеческой жизни вплоть до «практического бессмертия»¹. В самом деле, не пора ли нам, люди, замахнуться техникой на злого Танатоса?

Задумка эта родилась еще в XIX столетии на нашей отечественной почве. Возвестивший о ней городу и миру русский философ-космист и «супраморалист» Николай Федоров в очерках предыстории трансгуманизма занимает одно из первых мест. В этом нетрудно убедиться, открыв свежую монографию «Трансгуманизм и трансценденция»² или заглянув на страницы английской и французской Википедии (статьи «Transhumanism» и «Transhumanisme», соответственно). Если, вслед за Майклом Бёрдэттом, определять трансгуманистическое движение как использование технологий – биотехнологий или информационных технологий – с целью превзойти «человеческое» в привычном смысле этого слова³, то Федоров, безусловно, первый трансгуманист в истории человеческой мысли. Во всяком случае, никто до него не ставил перед наукой и техникой задачу преодоления «природности» в смысле снятия биохимических ограничителей человеческого бытия.

Правда, современные трансгуманисты мало озабочены воскрешением предков и, вообще, каким бы то ни было «общим делом» космического масштаба. Гораздо больше их волнует *наличный человеческий индивид* – как бы продлить, желательно до бесконечности, его персональную, частную жизнь. Трансгуманизм представляет собой высокотехнологичное *раестроение*, «инженерию рая» (paradise-engineering), по определению Дэвида Пирса.

Русские философы-космисты – от Федорова до Ильенкова, с его грандиозной «космологией духа», – решали проблему смысла существования человечества во Вселенной. Они преисполнены сознанием вселенской миссии человечества, не останавливающегося даже перед самопожертвованием ради воскрешения матери-природы. Природа

¹ Страница партии в интернете: <http://evolution.2045.ru>.

² Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement. Ed. by Ronald Cole-Turner. Georgetown University Press, 2011.

³ Данным определением открывается вторая глава «Трансгуманизма и трансценденции»: «Transhumanism is the contemporary movement that advocates the use of technologies – biotechnology or information technology – to transcend what it means to be human» (Transhumanism and transcendence. – P. 19).

некогда породила мыслящий дух, и придет время, когда тот должен будет вернуть жизнь гибнущей от «тепловой смерти» природе⁴.

Воскрешение предков и спасение природы есть, несомненно, трансгуманистические задачи, но они явно не из числа тех, которые декларируются Всемирной ассоциацией трансгуманистов. В своем видении конечных целей человеческой деятельности русский космизм с его обостренным чувством долга скорее *альтернативен* «гедонистическому императиву» Пирса (хотя и последнему отнюдь не чужды альтруистические мотивы: в частности, стремление к «избавлению от страданий всех сознательных форм жизни», – для начала сойдет и вегетарианство). При этом прочерченный Федоровым вектор развития человечества вполне отвечает канонам современного трансгуманизма. Стихийная биологическая эволюция сменится научно-техническим процессом конструирования «новых тел», благодаря чему рано или поздно человек сумеет одолеть своего «последнего врага» – смерть, т.е. достичь практического бессмертия. С биологической точки зрения это будет новый вид разумных существ – некий *постчеловек*, говоря современным языком. Жилищем и местом действия таких людей станет космос, а отношения между ними из своеобразных – «экономических и юридических» – превратятся в «братские».

«Порожденный крошечною землею, *зритель* безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и *правителем*»⁵. Космический долг бессмертных правителей космоса Федоров видит в противостоянии энтропии. Мы, люди, призваны обращать вспять процессы разрушения Вселенной, вплоть до «противодействия падению звезд». Однако Федоров почему-то не задает себе естественный вопрос: *по силам ли* человеку остановить или хотя бы на миг замедлить «миропадение» (энтропию)? С тем же успехом можно противодействовать всемирному тяготению или выпрямлять кривизну пространства-времени.

Логичнее вместе с Ильенковым предположить, что какое-нибудь «постчеловечество» окажет умирающей Вселенной последнюю услугу, нанеся ей (а с ней и самому себе) искусственный *coup de grâce*, благодаря которому природа сможет возродиться заново из «первоогня» Большого взрыва. Федоров вряд ли одобрил бы подобную гипотезу. Ведь этим лишается смысла вся его концепция «воскрешения предков». Зачем трудиться, собирая рассеянные по космосу атомы своих предков, вплоть до питекантропов, если они все равно обречены сжечь себя и все вокруг ради воскрешения природы? И о каком бессмертии, в таком случае, может идти речь?

Трансгуманисты как правило отбрасывают или, во всяком случае, игнорируют подобного рода деонтологию (от греч. *déontos* – «должного»). В истории науки фигуры умолчания подчас бывали вполне оправданы. Так, Ньютон обходил стороной вопрос о природе всемирного тяготения, предпочитая «не измышлять гипотез» на сей счет. Создатель классической механики вообще рекомендовал физикам держаться подальше от метафизики. Так обычно и поступают в наши дни создатели трансгуманистических теорий, не говоря уже о практиках, таких как Хироши Ишигуро. При этом последний постоянно подчеркивает, что создание андроидов для него – способ разобраться *в самом себе, в человеке*.

В основе подобных деклараций лежит старый «конструктивистский» постулат: познание есть мысленное построение предмета; разум способен познать лишь то, что создал сам. «Мы не летаем, мы поднимаемся только на те башни, какие сами можем построить» (Осип Мандельштам). Конструирование андроидов – это форма самопознания человека, современная технология осуществления дельфийского, сократовского императива: «познай самого себя». А значит – *создай, построй* самое себя. То же самое касается и всех прочих трансгуманистических технологий моделирования «постчеловека» – как тех, что уже сегодня осуществляются на практике, так и «форсайтов» с прицелом на 2045 год.

Когда технологическая сторона дела выяснится, вот тогда, видимо, и настанет время вернуться к забытой, так напугавшей физика метафизике, в том числе и федоровской. Ибо *построить* себя можно лишь при условии понимания, чем ты, человек, *должен быть/стать*. То есть лишь при наличии ясно осознаваемой, или хотя бы

⁴ См.: Космология духа, в кн.: Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. – С. 431.

⁵ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, в 4-х тт. М.: Прогресс, 1995, т. 2. – С. 243.

туманно представляемой, деонтологии. В противном случае андроидный автопортрет человека рискует оказаться неадекватным или, хуже того, «небратским», в терминологии Федорова.

«Высшее благо, как и свобода, составляет проект, – говорится в «Философии общего дела». – В настоящее время под свободой разумеется полное подчинение природе и такая же полная независимость друг от друга, от общего дела, от долга, если понимать его в надлежащем смысле, т.е. измена общему союзу, союзу на жизнь и смерть, каким он должен быть. Не видят зла в отчуждении друг от друга и видят даже благо в подчинении слепой силе, считая все это естественным и необходимым... Человек – крепостной земли, праздный пассажир, паразит, захребетник ее и совершает с нею невольные рейсы вокруг солнца, которое тоже не свободно в своих движениях...»⁶

Именно такой «идеал» (а на самом деле, натуралистический идол) человека – паразита и захребетника природы – лежит в основе *псевдогуманистической* критики трансгуманизма. Мать-Природа (или Отец Небесный) *дала, подарила* человеку некую «идентичность», которую мы должны холить и оберегать, а «без(д)умные» трансгуманисты ломают при помощи своих «дьявольских» технологий (В.А. Кутырёв). Тем самым рискуя обрушить и похоронить вечные моральные ценности, начиная с идеи свободы и равноправия (Ф. Фукуяма).

«Первой жертвой трансгуманизма может быть равенство... В основе идеи равноправия лежит вера в то, что мы обладаем человеческой сущностью, затмевающей наглядные различия в цвете кожи, красоте и даже разумности (intelligence). Эта сущность, а с нею и взгляд, что индивиды обладают врожденной ценностью (inherent value), есть душа политического либерализма. Но изменение этой сущности является стержнем трансгуманистического проекта»⁷.

Для Федорова политический либерализм – проект глубоко «небратский», исключаящий возможность солидарной работы над «общим делом» и отдающий человека в вечное рабство природе. Но ведь *сама природа* и принуждает человека освобождаться от этого рабства, говорит Федоров: «Она непосредственно не кормит и не одевает его, заставляя добывать все это трудом. “Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день их должен добывать”»⁸.

Способность трудиться, изменяя и внешний мир, и свою человеческую натуру, – вот истинный дар природы человечеству. В труде Федоров усматривает нашу единственную, подлинную «идентичность». До тех пор, пока в человеке остается хоть что-то, полученное от природы на дармовщину, он не может считаться *свободным* существом. «Тот еще захребетник земли, солнца, своих предков, тот еще недостоин жизни и свободы, кто не воспроизвел в своем организме всю историю земной планеты и солнечной системы, в *коем остается еще хотя одна клеточка, не своим трудом построенная*, тот еще не свободен, не может жизнь назвать своею»⁹.

По всей вероятности, Федоров и трансгуманистическое бессмертие расценил бы как идеал в основе своей «небратский», как еще одну «измену общему долгу», – ибо «нет достоинства добывать жизнь для себя, для своей драгоценной личности, и защищать свою личную свободу, всякий зверь так поступает... Тот не достоин жизни и свободы, кто не возвратил жизни тем, от коих ее получил»¹⁰. Либерализм и трансгуманизм – плоды одного и того же корня, две разновидности «западного» индивидуализма, враждебного нашему «общему делу». И все же, в полемике либералов с трансгуманистами Федоров, несомненно, отдал бы предпочтение последним.

Фукуяма, тонко чувствуя «метафизическую» уязвимость трансгуманизма, переводит спор в плоскость проблемы блага: «Защитники трансгуманизма думают, что понимают, в чем состоит благо человека; они жаждут оставить в прошлом ограниченное, смертное, природное бытие, их окружающее, ради чего-то лучшего. Но постигают ли они первичные блага

⁶ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, в 4-х тт. М.: Прогресс, 1995, т. 2. – С. 296.

⁷ Francis Fukuyama. Transhumanism // Foreign Policy, September 1, 2004.

⁸ Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, т. 1. – С. 296. Цитата из «Фауста» Гёте.

⁹ Там же. Курсив наш. – И.М.

¹⁰ Там же. – С. 297.

человека (ultimate human goods)?... Наши хорошие качества внутренне связаны с плохими: не будь мы жестокими и агрессивными, мы не смогли бы защитить себя; не чувствуя мы своей исключительности, у нас не было бы верности своему ближнему; если бы мы не ревновали, мы не могли бы испытывать и любовь. Даже наша смертность критически важна, ибо позволяет виду в целом выживать и приспособливаться (а трансгуманисты – последние, кого я хотел бы видеть живущими вечно). Изменение любой нашей ключевой характеристики неизбежно влечет за собой целый комплекс перемен в связанных с ней чертах, и нам не дано предугадать, во что все это в итоге выльется»¹¹.

Последний аргумент от невежества не делает чести автору. Такое *asylum ignorantiae* (лат. убежище незнания) ничуть не лучше любимых идеологами трансгуманизма гаданий на гуще высоких технологий. Однако вопрос Фукуяма ставит по существу: стоит ли увековечивать жизнь *существующего, наличного индивида* – скажем, того же Пирса или Ишигуро? Действительно ли это пойдет на пользу человечеству, в интересах истории рода человеческого?

Аналогичный вопрос стоило бы адресовать и Федорову: зачем, чего ради (будь то возможно хотя бы теоретически) воскрешать всех без разбору «отцов», включая и отцеубийц, безумных садистов, геростратов, калигул и прочих чудовищ в человеческом облике? И оправданы ли надежды на «братство» и «общее дело» с *такими* людьми? Об этом молчит деонтология «имманентного воскрешения».

Быть может, техника в состоянии решить и эту проблему? Если смотреть на человека глазами Федорова – взором инженера, ремонтирующего машину, – тут нет ничего невозможного. Перевоспитать оживших никак не труднее, чем воскресить мертвых. Может, сделать им прививку от «небратского» поведения.

В «Вопросе о братстве» русский космист формулирует основоположение своей «философской антропологии» с шокирующей прямотой: *наше сознание есть выделение машины тела*. «Приходится, однако, напомнить кому следует, что... организм – машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину – и сознание возвратится к ней!»¹²

Под этими строками без колебаний подпишется любой вульгарный материалист – от Ламетри до Джона Сёрла, от автора «Человека-машины» до нашего современника, «переоткрывшего сознание». Для медика и естествоиспытателя подобный взгляд на человека естествен, как утренний зов природы. В устах же страстно верующего христианина такой пассаж звучит странно, чтобы не сказать дико. Как возможна ли жизнь души после смерти тела, если она со всем своим содержимым (включая идею Бога) есть натуральное отправление тела? Очевидно, никак. Тогда рассуждения отцов христианской церкви о бессмертии и загробной жизни человеческих душ имеют не больше смысла, чем гипотеза о вечном бытии желчи после гибели печени.

Пионеры трансгуманизма решают психофизическую проблему с позиций еще более радикального натурализма. Ник Бостром, например, считает вполне реальной перспективу переселения душ в электронно-вычислительные машины. Для этого, по его мнению, необходимо и достаточно смоделировать нейронную сеть, формирующую ту ментальную реальность, которую индивид воспринимает как своё «я». Судя по всему, Бостром, как и Федоров, видит в душе некий эпифеномен материальных процессов, протекающих в человеческом теле. Если так, почему бы не воспроизвести те же самые процессы искусственно при помощи ЭВМ? В XIX столетии такая гипотеза, конечно, не могла прийти в голову, но, живи Федоров в наши дни, он, скорее всего, ее поддержал бы.

«Гипотетическая технология загрузки, переноса человеческой души в компьютер» представляется Бострому следующим образом: «Первым делом создается достаточно детальный скан мозга конкретного человека, возможно с помощью деконструирующих его наноботов или помещения тонких срезов мозговой ткани под мощные микроскопы для автоматического анализа изображения. Вторая задача – реконструировать на основе этого скана осуществляемую мозгом нейронную сеть и соединить ее с компьютерными моделями различных типов нейронов. Третья – эмулировать всю вычислительную структу-

¹¹ Francis Fukuyama. Op. cit.

¹² Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, т. 1. – С. 258.

ру на мощном суперкомпьютере. В случае успеха данной процедуры получится исходная душа, с памятью и неповрежденной личностью, перенесенная в компьютер, где она будет существовать как программное обеспечение (software); и сможет либо вселиться в тело робота, либо жить в виртуальной реальности»¹³.

Исходной, хотя и явно не формулируемой, посылкой этой высокой технологии метемпсихоза является представление о душе-программе, записанной в коре головного мозга. Душа есть, так сказать, нейронный «софт», *softmind* (англ. буквально: «мягкий ум»). Информационная картина души сформировалась в последней трети XX века на гребне очередной волны позитивизма, захлестнувшей науки о человеке. В Советском Союзе «информационный позитивизм» продвигали В.С. Готт, А.Д. Урсул, Д.И. Дубровский и др. Много статей данного направления публиковал журнал «Философские науки».

В настоящее время в нашей стране, особенно в стенах философского факультета МГУ, одним из самых популярных направлений является «аналитическая философия сознания», особенно в версиях упомянутого выше Дж. Сёрла (John R. Searle) и Д. Деннета (Daniel C. Dennett). Последний рассматривает информацию фактически как субъект эволюции. Душа, психика для него есть не что иное, как «воплощенная в теле информация» (*embodied information*). «Эта информация организована таким образом, что может иногда казаться чем-то относительно самостоятельным, что проводит различия, учитывает предпочтения, принимает решения, предпринимает меры, соперничая в этом с *вашим* сознанием»¹⁴. Очевидно, это совсем не та «пассивная» информация, которую изучал отец кибернетики Норберт Винер и о которой мы читаем в учебниках информатики.

Федоров, естественно, не пользовался термином «информация», но положение о *машинной* природе сознания было высказано им предельно ясно: «соберите машину – и сознание возвратится к ней». Заменяв в этом императиве органическую машину тела *электронной машиной*, мы получим трансгуманистический идеал Ника Бострома. В общих чертах федоровский проект конструирования отцовских тел из элементарных частиц представляет собой прямой аналог «гипотетической технологии» Бострома. Разница между ними сводится к тому, в каком именно теле предполагается «эмулировать» человеческую личность. Но и федоровское «воскрешенное тело», и «электронное тело» Бострома являются телами *искусственными, конструируемыми*, а не доставшейся людям от природы смертной машиной души. Последней, конечно, не по силам перемещаться в межзвездных пространствах и сражаться с вторым началом термодинамики, обуславливающим «миропадение».

Обе концепции – федоровская, и трансгуманистическая, – стремятся быть на высоте современных достижений естествознания и техники, но при этом разделяют самый примитивный, натуралистический взгляд на работу души. Обе не имеют понятия о *культурно-исторической, общественной* природе сознания, которую начал исследовать еще Сократ. Не замечают реально совершающегося в культуре, повседневного «переселения душ» через рукотворные вещи, создаваемые человеком для человека.

С самого первого для всемирной истории люди «эмулируют» свои личности в веществе внешней природы и в телах своих ближних. *Труд* сохраняет наши душевные состояния – эмоции и идеи – в общечеловеческой копилке «трансгенов», каковой является *мировая культура*. Человеческое тело и психика никогда действуют не сами по себе, не индивидуально, но всегда в качестве элементов гораздо более мощной «суперсистемы» – общества. Сознание вырабатывается не «машиной тела», как думают Федоров и трансгуманисты. Светом разума и сознания наделяет нашу природную психику *общество*. Сознание возникает в процессе общения человека с себе подобными существами и необходимо для выполнения надорганических, социальных функций и программ, не имеющих ничего общего с природными потребностями тела. С органическими же функциями успешно справляется и дикое животное, при помощи

¹³ Nick Bostrom, "A History of Transhumanist Thought", in: Journal of Evolution and Technology, vol. 14, April 2005. – P. 9.

¹⁴ Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. – С. 86.

записанных в ДНК наследственных программ жизнедеятельности. Сознание ему ни к чему.

Для реконструкции сознания нужно, стало быть, эмулировать не только и не столько нейронные, сколько социальные «сети» – *структуры общественной жизни*. Это – работа иного порядка, выходящая далеко за рамки возможностей естественных и технических наук. Отчасти и Федоров это понимал. Решение проблемы реанимации предков он прочно увязывал с вопросом о «братстве и небратстве», т.е. с далекоидущей реформой общественной жизни. Меж тем, за истекшее с тех пор время общество не слишком продвинулось, если продвинулось вообще, в направлении «братского» идеала федоровской деонтологии.

Список литературы

1. Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004.
2. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политгиздат, 1991.
3. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, в 4-х тт. М.: Прогресс, 1995, т. 2.
4. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений, Т. 1. – С. 296.
5. Francis Fukuyama. Transhumanism // Foreign Policy, September 1, 2004.
6. Nick Bostrom, “A History of Transhumanist Thought”// Journal of Evolution and Technology, vol. 14, April 2005. – P. 9.
7. Transhumanism and transcendence: Christian hope in an age of technological enhancement. Ed. by Ronald Cole-Turner. Georgetown University Press, 2011.

TRANSHUMANISM AND DEONTOLOGY OF IMMORTALITY BY NIKOLAI FEDOROV

I.A. MAIDANSKAYA

*Taganrog Institute
of Economy and Management*

e-mail: caute@rambler.ru

The article elucidates N.F. Fedorov's theory of “resurrection of fathers” in connection with the transhumanist project of making human beings immortal. The special attention is given to polemics against transhumanism on the part of those who defend the “natural identity” of mankind.

Key words: transhumanism, deontology, Nikolai Fedorov, mind, psyche, posthuman, immortality, resurrection, brotherhood, technology.